

СОДЕРЖАНИЕ

Действующие лица	3
Вступление	5
Как вместо собаки завести ребенка	8
Как стать матерью	13
Сочинение Сандро: «Опять двойка»	19
Мишка и няня Марина	22
Про Марину	23
Тарзан	28
Мультки	31
День стрижки	36
Генетика	42
Десять дней на горных лыжах	45
Домашние игры	59
Утренний подъем	63
Голос матери	66
Блинное утро	68
Еда	73
Бриджет Джонс поехала с детьми в горы	75
Четыре сезона эмансипированной женщины	88
Архивы: мечты о детях	97
Медицина в жизни матери	99
Сандрик и гланды	100
Слушайте старших	104
Кутушка	108
Коджорские угонщики	114
Про машину и папу	120
Честный ребенок	128
Как мы столкнули Сандрика с кровати	134
Опыт мытья	137

Как это надо делать на самом деле	141
Чему они нас учат.	144
Сандро и музыка.	146
Как он любит маму.	150
Маменька форева	153
Саныч-философ	157
Первый ребенок: опыты	159
А все-таки у них была собака	162
Мишкино рождение.	167
Пропал в кроватке	168
Прививка	172
Гости для сравнения	177
Открытое письмо Эмиру Кустурице.	180
Кузены	186
Прогулка с кузенами	188
Про любовь.	192
Уложить спать	197
О рванье и машине	203
Мой защитник	206
Родительские гены.	208
Отец черепахи по имени Павлик	211
Страшная сказка	218
Мой младший сын живет на подоконнике	224
Трудовое воспитание	229
Детство и кашки	233
Автошка — авангардист	235
Эпопея с Мишкиной дефекацией.	238
Спасительный туалет.	242
Математика и кашки	245
Искусство и кашки	248
Туалетная тема — финал	251
Поездка в Европу	252

Домой	288
Садик	290
Мишкина работа	297
И добрые-предобрые мамы.	302
Мишка сдается	306
Вожделенная свобода	309
Цеми	312
Первое утро августа	324
Первоклашка: хроника дня	325
Мишка, уроки — 1	327
Литература и Сандро	329
Мишка, уроки — 2	332
Сравнение не в мою пользу.	337
Мишка, уроки — 3	339
Нуниси.	342
Лилу!	357
Мишка, уроки — 4	362
Утро в нашей бухте.	366
Снова уложить спать	368
Вечеринка	372
Кризис	375
Страшная поездка одинокого мальчика	380
Двоюродные звери	383
Сандрик и Шиллер.	385
Строгая кошка	390
Грузинская свекровь	393
Мишка — эмо	396
Утро с кошкой.	401
Лото	404
Ночная.	408
Януш Корчак. Десять заповедей для родителей	410

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Папачос, он же Кормилец, он же Давид или Дато — отец семейства.

Мамачос — автор, мать семейства.

Сандро — старший сын.

Мишка — младший сын.

Автошка, Мариска, Димка, Лука — кузены детей.

Наиле, Хатуна — тети детей.

Зура, Гия — дяди детей.

Два комплекта бабушек и дедушек детей.

Монти — пудель кузенов.

Лилу — собственная кошка детей, голубая британка.

Эпизодические персонажи — разнообразные соседи, родственники, друзья, знакомые, учителя и даже герои мультиков.

Вообще-то я хотела жить совсем по-другому.

Мой день начался бы с вечера. Я бы вернулась из театра, или из консерватории, или из гостей в свой душистый дом в вазочках, рамочках и цветочках, уронила невесомые перламутровые туфельки на шелковый ковер, вытащила шпильки из высокой прически, аккуратно убрала гламурные одежды в гардеробную, потом приняла бы ванну с лавандовой солью, потом посидела за чисткой перышков и арт-хаусным кино и уснула бы в 23:00 с кремом на руках, веках и пятках — везде разным. Утром встала бы в 6:00 и пошла на озеро с собакой — в любую погоду, одетая цвет в цвет: если моросит, то белые хантеры, молочный зонт-винтовка и дождевик с рисунком Барберри, а если солнышко — на выбор кремовое, серое или голубое. Собака — кто-нибудь изысканный, вроде акиты, или умной, как профессор, овчарки.

Солнце отражалось бы в моих солнечных очках, ветер шевелил безупречно выкрашенные шелковые пряди, в голове рождались идеи увлекательных сценариев.

Потом я пришла бы домой, позавтракала авокадо и грейпфрутовым соком — конечно, фреш, — сделала массаж, или йогу, или фитнес, потом написала пару только что выдуманных рассказов, потом бы пошла по бутикам тратить баснословные гонорары или выкупать билеты на Сейшелы.

А что на самом деле?

Сандро торчит в ванной уже два часа, вся семья, включая кошку, сидит и напряженно смотрит в дверь.

Он изволил вылезти — клубы пара валят по всей квартире, кошка забегает к лотку, поскальзывается на мокром полу и въезжает в песок, обвалявшись в нем, как пожарская котлета. Тем не менее она делает свое дело, не меняя напряженного выражения лица, вся в панировке, а мы продолжаем терпеть, монотонно выражая Сандро свое негодование.

Не успеваю зайти и смыть косметику перед сном, потому что следующим ванну занимает Мишка, хотя ему было сказано просто принять душ. Молодец набрал пластмассовых тунейдцев и играет с ними в пене, хотя уже здоровенный амбал и ему пора брить усы.

Приходит папачос и требует ужин.

Ужин давно остыл — все надо разогреть.

— Я хочу в туалет! Неужели нельзя было закончить свои дела до моего прихода? — возмущается кормилец. Мишка ухом не ведет, у него решающая схватка Шрека с безруким Суперменом.

Я тру глаза, потому что приняла таблетку и меня клонит в сон, а тушь все еще на ресницах.

Кошка глядит на меня и утробно мявкает в первобытном ужасе.

Мне еще надо намазать Мишке ранки новой мазью, сделать йодовую клетку на бронхи, наклеить полоску от храпа Сандро, помыть посуду, загнать всех в кровати, но таблетка срывает, и я падаю головой в раковину с немытой посудой.

Там и засыпаю.

Благословенны будьте, дети мои, включая кошку.

КАК ВМЕСТО СОБАКИ ЗАВЕСТИ РЕБЕНКА

— Хочу собаку, — однажды подступила я к мужу, когда Сандрик стал вполне самостоятельным мужчиной пяти лет. — И ребенок хочет. Как может вырасти нормальный человек без собаки?! Нас двое, ты один.

На тот момент у нас были только этот самый мальчик, квартира без ремонта и нереализованные амбиции.

Муж потянулся, зевнул и посмотрел на меня очень ласково.

— Нам нужен второй ребенок, — сказал он. — А собаку в квартире — не могу. Ни я не могу, ни собака не может. Значит — два на два. Собака будет потом — на даче.

Дачи у нас нет и не предвидится.

Я скорбно поднялась, всячески демонстрируя угнетенную женщину Востока, и ушла зализывать раны. Однако же было ясно, что второго ребенка не избежать, и — чего греха таить, уже давно пора.

Второй ребенок — вроде инфекционного заболевания, которым можно заболеть в удобное для пациента время. Можно сразу, а можно лет через

пять. И даже десять и семнадцать тоже не проблема: первый обязательный уже готов, а второй — это произвольная программа. Мама говорила — лучше не затягивать, все равно платить по одному счету — ночами не спишь, службу несешь, один или двое — особой разницы нет, поэтому рожай впри-тык к первому, спина к спине, след в след. А ведь каждый ребенок имеет право на особенное внимание, а мать — на передышку, поэтому даже не думайте раньше, чем через три года. Я думала пять лет, а потом сдалась — все равно собаки нету, работать негде, а если родить второго ребенка — это как бросить все козыри в игру и сорвать банк.

Конечно, есть люди, у которых не то что два, а три, пять и даже восемь! Но два — это оптимальное число: не мало и не много, а в самый раз.

Став матерью уже двух мальчиков, я стала ждать удобного момента, чтобы опять завести разговор про собаку.

— Да какая еще собака! — с досадой возражал муж. — Девочку нам надо. Видишь, какие у нас получаются шикарные дети!

Невозможный человек! Я — осел, которого заманили морковкой на веревочке. Да что говорить — вся жизнь теперь состоит из сплошных отказов, и даже домашнее животное стало недостижимой мечтой.

Впрочем, что животное.

Я не умею свистеть. Просто посвистывать губами трубочкой — это не считается, а чтобы по-серьезному, свернуть пальцы в косичку, хитро пристроить их во рту и пропустить воздух сквозь самодельные регистры, да так, чтобы не сипеть и не плевать, а сразу выпустить верченый свист, от

которого по нёбу трещины, барабанные перепонки навылет, а на другом конце улицы воробьи с земли врассыпную — такому не научилась.

Еще я не умею кататься на двухколесном велосипеде. Никогда не прыгала с парашютом. Не видела северного сияния. Не ходила в море на серфе и не каталась на водных лыжах. Не прыгала в бочке в водопад и не мчалась на лошади во весь опор — камерное сидение в седле на курортных клячах для памятной фотографии не считается.

Не успела.

Не сказать, что список безнадежно большой; он просто безнадежный, потому что всего этого я уже не сделаю и не научусь, потому что раньше надо было успевать — пока не родила детей.

А как родила — так и закрывай лавочку.

Но это еще не все.

Гораздо хуже то, что после рождения детей у женщин случаются потери в голове.

Моя свекровь по образованию — хоро дирижер. Или как это правильно сказать? Дирижер-хоровик? В общем, музыкант.

Но никто никогда не слышал, чтобы она занималась музыкой: заунывные напевы по время приготовления толмы не в счет, а к пианино она не прикасалась на моей памяти никогда.

— Мама! — уличали ее сыновья. — Признавайся, ты не музыкант на самом деле!

— После первой беременности я потеряла слух, — пожаловалась свекровь. — После второй — голос!

— А после меня ты что потеряла — чувство ритма? — неласково пошутил третий и младший сын.

Конечно, это все вранье, думала я, и — конечно, потери в моей собственной голове начались чуть ли с первого дня.

— Я отупела, — в ужасе признавалась я мужу. — Что со мной будет? А вдруг у меня начался Альцгеймер?!

Муж поднимал брови и в утешение говорил, что миллионы женщин родили детей до меня, во время меня и родят после меня, и ничего, а если бы они все теряли память, человечество бы давно выродилось.

Вот уж не знаю, что там остальные женщины, а я раньше могла прочитать страницу текста и тут же отбарабанить его наизусть! Голова работала как швейцарские часы: бесшумно и с ветерком. А сейчас что? Пока читаю фразу, в конце забываю, о чем шла речь в ее начале. Куда носят в починку поломанные швейцарские часы? Мысли идут по кругу, как цирковые пони, и состоят максимум из трех слов: ребенок орет, поменять штаны, еще не уснул, дышит или нет, уже проснулся, дать воды, чего тебе надо, ванная свободна, и все в том же духе. Если во время уборки мне попались умные книжки, я верчу их в руках, как шумерскую клинопись, не веря, что когда-то писала по ним диплом.

А куда пропало присущее мне когда-то безошибочное умение выдернуть из кучи барахла кофточку и юбочку и сделать из них шикарный наряд? Теперь я беру одни и те же камуфляжные штаны, которые не жалко. А как же я могла танцевать всю ночь и веселиться до упаду, а утром сбегать сдать зачет? Сейчас я в ужасе смотрю за окно в вечернюю тьму и понимаю, что хочу остаться дома и ничего не делать.

Новое кино вызывает панические атаки: зачем громят такую прекрасную мебель? Зачем эта дура

уходит из семьи — а детей кому оставляет? Ой, а тут назревает семейный скандал, не буду смотреть. Поэтому из всего мирового кинематографа остался только фильм «Римские каникулы»: все красивые, и никто не умер.

Хотя, если рассуждать хладнокровно, есть и приобретения: например, способность уснуть в любое время суток посреди канонады и при этом слышать, что делает ребенок. А умение безмятежно наслаждаться покоем посреди разгромленной детьми квартиры? А внезапно открывшаяся способность зарыдать от мультика, рекламы и даже от картинки в жвачке «Любовь — это...»?

И еще я научилась брать ребенка одной рукой и удерживать на весу за шкирятник. Правда, лет до пяти, не старше.

Конечно, все перемены происходили постепенно, за исключением самой главной — и этот день я запомнила навсегда.

КАК СТАТЬ МАТЕРЬЮ

Свинья сказала — с тех пор, как у меня есть поросята, я не пила чистой воды.

Грузинская пословица

— Почему ты не носишь сарафан, который я тебе подарил? — бестактно поинтересовался дорогой супруг. Где же мужчине понять такие тонкости?

Нос немедленно разбух, в глаза натекло ведро слез.

— Куда?! Куда я его надену?!

— Да на море хотя бы, — перепугался дорогой супруг, кляня себя за неосторожные слова — хотя в последнее время даже замечание о хорошей погоде могло вызвать извержение вулкана.

Жизнь была ужасна. Я стала толстой, как морская свинья, бесформенной, как ватный матрас, и слезливой, как крокодил. Все нормальные люди налегке ходили на море, а я в это время снаряжалась на ежедневную прогулку с младенцем, как в экспедицию на Южный полюс. Он должен был предварительно поспать, поесть, срыгнуть, покакать, потом его я быстро мыла, одевала в чистое и сажала к себе на грудь в сумку-кенгуру.

К этому моменту я была снаряжена, как спецназовец: волосы в хвост, штаны немаркие, кроссовки